

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОБСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С.М. ПЯСТОЛОВ,

доктор экономических наук, профессор,
Московский государственный областной университет,
e-mail: piasts@mail.ru

Г.Г. ПОПОВ,

кандидат экономических наук., доцент,
Московский государственный областной университет,
e-mail: GGPopov2009@mail.ru

О.А. РУДНЕВ,

соискатель
Московский государственный областной университет,
e-mail: orudnev@rambler.ru

Статья обращается к актуальным вопросам о собственности, как институте, обеспечивающем современный тип социально-экономического развития. Утверждается, что доминирующий сегодня тип частной собственности, основанный на романской традиции, имел и другие альтернативы, некоторые формы которых продолжают сохраняться в современной России. Предлагается кейс времен конца XIX — начала XX века, на примере которого проявлены противоречия между различными отношениями собственности, не преодоленные и по сей день.

Ключевые слова: частная собственность; легитимность; легальность; христианская традиция; континентальная и англосаксонская система права.

The paper addresses urgent issues on property which is considered to be an institute that is responsible for a modern type of social and economic development. The authors argue that now dominant type of private property based on the roman legal tradition has had other alternatives some of which still continue to exist in modern Russia. A case-study on a situation from the end of XIX — the beginning of XIX centuries is offered for a consideration. The case reveals contradictions between different property rights modes which are still not overcome.

Keywords: private property; legitimacy; legality; Christian tradition; continental and Anglo-Saxon system of law.

Коды классификатора JEL: B15, K11, P14.

Альтернативные взгляды на собственность

Рассматривая вопрос о собственности, заметим, что, по мнению ряда экспертов, на ранних этапах становления европейской цивилизации «в области хозяйственной деятельности и экономических отношений было оставлено очень многое» от Пятикнижия Моисея [6, с. 37]. А, как можно заметить, в данном источнике, а также в Талмуде, Библии и Коране отношения собственности определяются весьма специфицированно.

Так, характерным является высказывание церковного писателя и богослова Василия Великого (ок. 330–379): «Захватив все общее, обращают в свою собственность... Если бы каждый, взяв по-

требное только для своей нужды, излишнее предоставлял бы нуждающимся, никто не был бы богат, никто не был бы скуден. ... Откуда же у тебя, что имеешь теперь? Если скажешь, что от случая, то ты безбожник... А если признаешь, что это от Бога, то скажи причину, ради которой получил ты. ... Для чего же ты богатеешь, а тот пребывает в бедности? Как же ты не любостяжателен, как же ты не хищник, когда обращаешь в собственность, что получил только в распоряжение?» [6, с. 48].

Христианские мыслители, по существу, осуждали частную форму собственности, оставляя право на существование лишь государственной и общинной формам. Собственность была «легальной» для государя и ограниченного числа аристократов, для других сословий оставалась возможность коллективной собственности, которая была «легитимной», но не всегда «легальной». В соответствии с определением, «легальность — это соответствие конкретным нормам позитивного права (писанного закона), в то время как легитимность — это соответствие более общим мета-правовым принципам, из которых в конечном счете вырастает само формальное право и которое оно призвано воплощать и выражать» [4, с. 89].

Несмотря на то, что анализируемый исторический период характеризуется, во-первых, нереализованностью принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, во-вторых, неразделимостью светской и религиозной власти и соответственно устанавливаемых ими норм, можно считать, что легальность собственности, т.е. соответствие писаным законам, являлась основой ряда европейских цивилизаций на определенных этапах их развития. Как показывает историческое сравнение эпох, наибольшего расцвета достигали европейские цивилизации, когда у них появлялся принцип неприкосновенности частной собственности. Как показал С.А. Нефедов (см, напр., [7]), Восток в этом смысле коренным образом отличался от Запада, там периоды упадка сопровождались ростом частной собственности, «чиновничьи приватизации». Идея о том, что собственность может быть на практике защищена от произвола власти, возникла как результат развития отношений рыночного обмена, и она была необходимой предпосылкой для зарождения внутривосточных рынков.

Легитимация собственности в Европе стала возможной с реформами христианской церкви и государственного управления: в Германии и Скандинавских странах — она была укреплена как институт Мартином Лютером (1483–1546), а до этого городскими гильдиями. Во Франции Генеральные штаты и формирование национального государства способствовали образованию частной собственности в относительно современных контурах. Великая Хартия вольностей 1215 г. в Англии впервые очертила права монарха в отношении собственности своих подданных. Распространение в 1000–1500 гг. Римского права в Германии способствовало росту популярности идеи неприкосновенности частной собственности в Центральной и Восточной Европе. В Швейцарии, Франции и Великобритании Ульрих Цвингли (1484–1531) и в большей степени Жан Кальвин (1509–1564) укрепили своими религиозными реформами институт частной собственности в Западной Европе.

К XVIII в. победа протестантизма и обновленного католицизма (особенно французского варианта католицизма) привели к утверждению новой хозяйственной этики, в рамках которой признавались: естественность стремления к богатству; моральное право стремиться к повышению благосостояния; священность и неприкосновенность частной собственности, частной жизни человека и самой его личности. Как считает Е.М. Майбурд, к XVIII в. страны, где победила реформация: Швейцария, Нидерланды, Англия, — заложили основы для того, чтобы впоследствии стать одними из самых богатых стран Европы. В то же время страны, где победила контрреформация и сохранила господствующие позиции ортодоксальная католическая церковь: Италия, Испания, Австрия, Польша, — отставали в хозяйственном развитии и долго оставались беднее протестантских (с использованием [6, с. 58–60]).

Здесь, очевидно, требуется уточнение. Ведь в случае отдельных стран следует принимать во внимание определенные исторические обстоятельства и политические решения (так, огораживания в Англии привели, с одной стороны, к отъему собственности у крестьян, а заодно к тому, что масса людей вынуждена была наниматься в войска или позже в XIX веке идти в работные дома, что дало возможность в одном случае — вести масштабные войны, а в другом — развивать фабричное производство и накапливать богатства. Кроме того, в англиканской церкви достаточно много аналогично католической, чтобы говорить о серьезных идейных различиях). Мы в данном изложении обращаем внимание на то, что концепции частной и общественной собственности конкурировали и продолжают конкурировать между собой с переменным успехом.

Попытки делигитимации и делегализации института частной собственности осуществлялись как теоретически, так и практически на всех этапах истории Европы. В ряду теоретических работ достаточно упомянуть диалог «Государство» («*Politeia*») философа античности Платона (428 или 427 г. до н.э. — 348 или 347 г. до н.э.) в средние века и «Новое время» — «Утопию» Томаса Мора (1478–1535), «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы (1568–1639), «Христианполь» Иоганна Валентина Андреэ (1586–1654), «Закон свободы» Джерарда Уинстэнли (1609–1676), «Базилиаду, или Кораблекрушение плавающих островов» и «Кодекс природы, или Подлинный дух ее законов» Этьенна-Габриэля Морелли (1717 — ?), учения Анри Сен-Симона (1760–1825), Шарля Фурье (1772–1837), «Путешествие в Икарию» Этьена Кабэ (1788–1856).

Среди практических попыток воплощения утопических учений наиболее известны: орден миноритов (терциариев) Франциска Ассизского (1182–1226), движение патаренов (XIII в.) Джерарда Сегарелли (ок. 1240–1300), катары и вальденсы — альбигойские общества, существовавшие в Альбигойской провинции на юге Франции в X–XIII вв., лолларды (XIV в.) Джона Уиклифа (1320 или 1324–1384), табориты (XV в.) в Чехии, государство иезуитов в Парагвае (1618 или 1638–1773), поселение Э. Кабэ (США), деятельность Роберта Оуэна (1771–1858) в Нью-Ленарке (Шотландия).

В XVIII–XIX вв. утопические учения уступили место социалистическим, которые отличались не только предложениями по устройству будущей жизни общества, но и критикой существующих систем. В отличие от утопистов, только некоторые из авторов-социалистов выступали за отмену института частной собственности. С такими идеями выступали, в частности, П. Рейвистон и П. Прудон, который в своем произведении «Что такое собственность?» утверждал: «Собственность — это кража».

Становление института частной собственности в хозяйственной практике требовало соответствующего законодательного оформления. Страны, в которых стали зарождаться капиталистические отношения, первоначально многие понятия, касающиеся формирования и реализации права собственности (в том числе признаки права), заимствовали из Римского права, которое по основным своим характеристикам является индивидуалистическим, либеральным, исключаящим.

В дальнейшем развитие прав собственности разделилось на два основных направления: континентальное и англосаксонское. В рамках первого целесообразным считалось сконцентрировать все права собственности на объект в руках одного владельца, а случаи рассредоточения правомочий среди нескольких лиц рассматривались как феодальные пережитки. Воплощением континентальной концепции права стал Кодекс Наполеона, в котором частная собственность провозглашалась не только «священной и неприкосновенной», но и «неограниченной и неделимой». Англосаксонская правовая традиция сохраняла многие институты феодального права, допуская, в том числе, возможность раздробления права собственности на правомочия нескольких лиц [4], правда, в отдельных случаях пережитки феодализма сохранялись в Объединенном Королевстве вплоть до XIX в.

Для отечественной юридической школы более характерен подход, разработанный еще древнеримской юриспруденцией. В соответствии с ним право собственности рассматривается как одно из вещных прав, к которым относятся [1, с. 228, п. 1, ст. 216]: право пожизненного наследуемого владения земельным участком; право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком; сервитуты — права ограниченного пользования чужим земельным участком — могут устанавливаться для обеспечения прохода и проезда через соседний земельный участок, прокладки и эксплуатации линий электропередачи, связи и трубопроводов, обеспечения водоснабжения и мелиорации» [1, с. 270, п. 1, ст. 274]; право хозяйственного ведения имуществом; право оперативного управления имуществом.

Содержание самого права собственности заключается в том, что «собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом» [1, с. 220, п. 1, ст. 209]. Согласно Общероссийскому классификатору форм собственности (ОКФС) «под формой собственности понимаются законодательно урегулированные имущественные отношения, характеризующие закрепление имущества за определенным собственником на праве собственности». Для обработки статистической информации используются следующие группировки форм собственности [10, с. 13–14]: (1) российская собственность; (2) государственная собственность; (3) федеральная собственность; (4) собственность субъектов Российской Федерации; (5) муниципальная собственность; (6) собственность общественных организаций (объединений); (7) частная собственность (включая собственность потребительской кооперации); (8) смешанная российская собственность без иностранного участия; (9) иностранная собственность и смешанная собственность с совмест-

ным российским и иностранным участием; (10) государственная и муниципальная собственность; (11) негосударственная собственность.

Таким образом, институциональное оформление собственности в виде принятых и действующих законов способствует ее пониманию как правового феномена. Однако в экономической трактовке данного феномена наблюдается множественность и динамизм представлений. В этой области знаний принято считать базовыми теоремы Р. Коуза (род. 1910) и Р. Познера (род. 1939), которые вместе с Г. Калабреззи (род. 1932) и Г. Манном (род. 1928) признаны создателями самого «экономического анализа права» («Law and Economics»).

Согласно теореме Р. Коуза, если издержки осуществления обмена отсутствуют, то, вне зависимости от первоначального распределения прав собственности на ресурсы, путем взаимовыгодного обмена правами собственности, в конечном счете, перейдут к наиболее эффективному собственнику, способному ими распорядиться наилучшим образом [5, с. 87–141]. Эта теорема является своего рода вехой в изучении институционального устройства экономической жизни, несмотря на то, что существует заметное количество работ, которые подвергают сомнению как теоретическую обоснованность самой теоремы¹, так и возможности ее практического применения (см., напр., [2]).

Теорема Р. Познера применима для ситуации, в которой присутствуют значительные издержки обмена, и заключается в том, что первоначальное распределение прав собственности играет определяющую роль, поскольку, даже будучи неэффективным, может быть стабильно в силу высоких транзакционных издержек (взаимовыгодного обмена).

Российская проблема собственности на инфраструктурные объекты

Case-study. Концепция Чупрова как пример отношений государства и частного собственника в России.

Для понимания социально-экономической ситуации в современной России важно выявить специфику собственности в инфраструктурных отраслях, так как именно здесь можно найти объяснение неэффективности осуществленных на данный момент рыночных преобразований и предпосылки для успеха или провала планируемой модернизации (подробнее см. [9]).

Проблемы трансформации отношений собственности в инфраструктурных отраслях имеют довольно длительную историю, в том числе, и отечественной литературе. Одним из первых подобных исследований можно считать труд А.И. Чупрова, в котором исследовались проблемы собственности в сфере железнодорожного транспорта.

На основе анализа обширного фактического материала о функционировании железнодорожного транспорта и его конкурентов: гужевых перевозок, водных путей сообщения, морского транспорта, речного транспорта — в Англии, Франции, Северной Америке, Австрии [12, с. 263–278], — А.И. Чупров приходит к выводу, что «к железным дорогам не применим тот объективный регулятор провозных цен и прибыли, который для всех других отраслей промышленности указывается политической экономией в виде соперничества» [13, с. 280].

Кроме того, проведенное А.И. Чупровым исследование опыта регулирования цен на железнодорожные перевозки при помощи установления фиксированных тарифов и тарифов, меняющихся «при достижении прибыли известного предела» [12, с. 299], показало неэффективность этих способов: в первом случае — из-за постоянно «изменяющихся условий времени и обстоятельств» [12, с. 299], во втором — из-за того, что подобная мера «лишает ... железные дороги ... обычных мотивов к деятельности ... и налагает на правительство невыполнимую задачу, которая приведет ... или к обману публики (to delude the public) через формальную и ни на чем не основанную санкцию тарифов самих компаний, или к изъятию из рук компаний управления их собственными делами» вследствие необходимости правительственного контроля того, «действительно ли произведены ... расходы» [12, с. 301]. На этом основании А.И. Чупров приходит к выводу, что «рано или поздно явится необходимость передать железные дороги в заведывание государства» [12, с. 305]. В то время в России для концессий допускался «двоякий способ перехода железных дорог в руки государства: а) ... по окончании срока концессии и б) выкуп со стороны государства», и наибольший интерес представлял для исследования второй способ.

¹ Это проявляется в утверждениях: «... использование экономического анализа и коузианской концепции взаимодействия (reciprocity) для решения рассматриваемых судами проблем в области социальных, политических или моральных прав, сопряжено с рядом трудно разрешимых проблем» [14, р. 97] — (см. также [16]).

Существовавшие в то время в Германии, Франции и России условия предполагали выкуп железной дороги через «капитализацию ее чистого дохода; различия заключаются лишь в условиях этой капитализации» [12, с. 308].

В частности, во Франции и России «государство обязалось при выкупе вносить среднюю прибыль семи последних лет во все время до истечения срока концессии, т.е., — при наступлении права выкупа через 20 лет по устройстве дороги и при обычном сроке концессии от 80 до 90 лет, — в течение 60–70 лет». Кроме того, «прибыль, служащая основанием для выкупа», не могла быть «менее суммы гарантированного правительством дохода» (Чупров 1 стр. 309). Такие условия привели к тому, что если правительство «вздумало бы выкупить в 1869 году Московско-Рязанскую дорогу ... государство ... в течение 65 лет ... внесло бы почти в 14 раз больше против действительно сделанной затраты» [12, с. 310].

Такие условия выкупа не представляются эффективными главным образом потому, что «чистый доход железных дорог всего ближе подходит, по своему экономическому происхождению, к поземельной ренте. Как источником ренты служат не труд и капитал владельца земли, а природные, помимо его воли созданные свойства почвы; так и доход собственников железной дороги вытекает не из затраты труда и капитала, а из посторонних, вне предприятия лежащих естественных и социальных условиях» [12, с. 315].

Здесь следует заметить, что в случае с железнодорожной концессией в качестве концессодателя выступало государство, т.е. Россия занимала деньги на Западе, и в основном с этим строительством были связаны громадные внешние заимствования, долговые обязательства, зафиксированные в ценных бумагах, которые до сих пор хранят французы. При этом в качестве концессионеров, занимающихся строительством и эксплуатацией ж.д. выступали, в основном, иностранные компании, которые и получали всю прибыль.

Такая ситуация привела А.И. Чупрова к выводу о том, что «к железнодорожному хозяйству не применяется ни одно из тех экономических оснований, на которых обычно опирается предпринимательский доход. Поэтому сохранять прибыли дороги за ее владельцами не представляется, в случае выкупа последней, никаких мотивов» [12, с. 315]. А.И. Чупров приходит к выводу, что более эффективной является схема выкупа по «действительной их стоимости», когда правительство принимает на себя «покрытие долга по облигациям» и возвращение «акционерам номинальной стоимости акций» [12, с. 316]. При таких условиях в случае выкупа государством той же Московско-Рязанской дороги сумма выкупа составила бы $\frac{1}{12}$ суммы по реально существовавшим условиям (Чупров 1 стр. 318). Таким образом, «через установление права выкупа на изложенных выше основаниях, государство имело бы в своих руках могучее средство регулировать прибыль и провозные цены частных компаний, не вмешиваясь в их дела и не обставляя железнодорожного хозяйства стеснительными узаконениями» [12, с. 318–319].

Как видим, в *case-study*, наблюдается вполне современная проблематика, характерная для российских отношений бизнеса и государства в вопросе о собственности. Можно выделить следующие проблемы. Во-первых, бизнес теряет стимул к рациональному использованию ресурсов, так как его прибыли гарантируются государством (достаточно посмотреть хотя бы на историю с увеличением бюджетов по проекту Сахалин, но ведь финансовая ответственность и частное принятие риска, вообще, есть единственный аргумент в пользу легитимности прибыли как таковой. Таким образом, если выразиться «высоким штилем», искажается сама суть капиталистической экономики. Более того, бизнес начинает паразитировать — взять, к примеру, неимоверно раздутый и неэффективный (а в силу этой самой неэффективности и заоблачная стоимость московской недвижимости, которая по большей части распределяется, а не продается на рынке, поскольку рынка-то и нет) московский стройкомплекс, который требует все новых и новых госзаказов.

Во-вторых, возникает неопределенность экономического эффекта с точки зрения баланса народного хозяйства в целом. Взять, например, историю со строительством Богучанской ГЭС. Пока что не представлены ответы на очевидные вопросы: каков ожидаемый экономический эффект для государства? Как он соотносится с реальными сегодняшними затратами, учитывая источники, а также возможность альтернативного вложения средств и т.д.? Именно в проектах такого рода, в частности, «проедаются» средства от экспорта энергоресурсов.

В-третьих, проблема сверхконцентрации: происходит формирование «суперкорпораций», влияние которых на экономику превышает все допустимые пределы. Взять тот же Газпром, можно ли было представить когда-либо, чтобы благосостояние всей страны в такой степени зависело от

одного предприятия, пусть даже и очень крупного? В настоящее время компания контролирует огромное количество ресурсов, причем, не только связанных с основной деятельностью, но и, например, является крупнейшим землевладельцем. А ведь, не меньше трети компании, а то и больше принадлежит иностранным акционерам.

В-четвертых, рост государственной собственности и роли государства в очень выгодной для частного бизнеса инфраструктурной сфере влечет за собой перераспределение средств в сферу борьбы за государственные заказы и лицензии, на почве чего в экономике распространяется такое явление как «кумовство», влекущее за собой сращивание бизнеса с государственной властью. Кроме того, в отличие от частного предпринимателя, чиновник заинтересован в высоко затратных производствах. Все сказанное можно аргументировать и прокомментировать посредством статистических примеров (рис. 1).

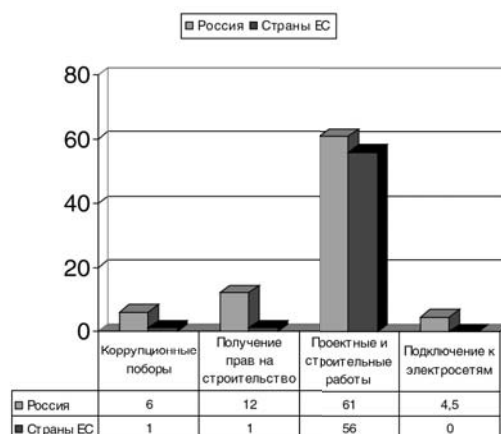


Рис. 1. Обобщенная структура затрат на строительство,%, сравнение России и стран ЕС. Составлено по: [11]

Поясним данные, приведенные на рис.1. Подключение к электросетям в большинстве стран ЕС выполняется за счет государства, застройщики не несут издержек по этой услуге. Получение прав на строительство обычно обходится намного дешевле, примерно в 10–15 раз, на территории стран ЕС, нежели в России. Корруптированность строительной сферы в России, как и всех остальных сегментов экономики, в разы выше, чем в ЕС. Таким образом, на государство в РФ приходится 22,5% издержек строительства, и это самый оптимистический и усредненный подсчет. При этом государство с начала 1990-х гг. почти перестало строить льготное жилье.

Причиной таких затрат строительных фирм на решение проблем урегулирования отношений с местными властями заключается в том, что земля в России, согласно Конституции, принадлежит государству. Правда, на практике в условиях федерализма и развития местного самоуправления земля оказывается де-факто в руках у местных чиновников.

В связи с обсуждаемой темой можно вспомнить высказывание Г. Явлинского, известного политического деятеля, о том, что «отсутствие у граждан ясного понимания того, кто, в каком объеме и на каком основании имеет право распоряжаться хозяйственными активами в российском обществе, прямо или косвенно блокирует важные инициативы в экономической и социальной политике, а потому препятствует модернизации страны и общества» [15, с. 4]. Но представляется, что дело не только в том, что у россиян не хватает опыта рыночной деятельности или необходимых знаний. Так, В.Вольчик и И.Бережной пишут о том, что «формирование институтов собственности в России ... не укладывается в модель традиционной эволюционной экономики» [3, с.36]. Так может быть, следует поискать российскую модель, к которой, как к последнему прибежищу, обращаются субъекты реальной экономики.

Если в теории хозяйственного права субъекты делятся на «юридических» и «физических» лиц, то в хозяйственной практике, избегая высоких транзакционных издержек (фактически — поборов), люди предпочитают обращаться к «хозяевам», и тогда мы получаем известное в экономической истории России деление на «хозяев» и «гостей». Такая структура отношений закреплена в форме общинной (семейной/клановой) собственности. Особенно остро противостояние этих форм собственности — «частной» и «общинной/тейповой» проявляется на Кавказе (см., напр., [8]). Однако это уже тема следующего исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Абова, Т. Е., и др., [ред.]*. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, частям первой, второй, третьей. М : Юрайт-Издат. 2008.
2. *Андрефф В.* Российская приватизация: подходы и последствия // Вопросы экономики. 2004. № 6. С. 57–78.
3. *Волчич В.В., Бережной И.В.* Роль социального капитала и групп интересов при формировании института власти-собственности в рамках российского хозяйственного порядка // Экономический вестник ростовского государственного университета. 2006. Т. 4. № 2. С. 35–41.
4. *Капелюшников Р.* Собственность без легитимности? // Вопросы экономики. 2008. № 3. С. 85–105.
5. *Коуз Р.* Проблема социальных издержек. Фирма, рынок и право. М. : Дело: Catallaxy. 1993.
6. *Майбурд Е.М.* Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров. 2-е издание. М. : Дело. 2000.
7. *Нефедов С.А.* О экономических предпосылках русской революции // Общественные науки и современность. 2005. № 3. С. 83–96.
8. «Насилие заменило на Кавказе открытую политику» // Время. 16.09.2010. № 168.
9. *Руднев О.А.* Теоретические основы формирования и развития инфраструктуры экономики России. М.: ООО «ИПЦ «Маска». 2010.
10. *Соколин, В.Л., [ред.]*. Методологические положения по статистике. М : Госкомстат России. 2003. Вып.4.
11. *Чернов И.* Строительство жилья в России \ \ Мировое и национальное хозяйство. 2008. № 2 (5).
12. *Чупров А.И.* Железнодорожное хозяйство. Его экономические особенности и его отношения к интересам страны. М. : Типография А.И. Мамонтова и Ко. 1875. Т. 1.
13. *Чупров А.И.* Политическая экономия. Новороссийск : Типография Л. Шутака, 1908.
14. *Simpson B.* «Coase v. Pigou» Reexamined // The Journal of Legal Studies. 1996. Vol. 25. pp. 53–97.
15. *Явлинский Г.* Необходимость и способы легитимации крупной частной собственности в России: постановка проблемы // Вопросы экономики. 2007. № 9. С. 4–26.
16. *Hovenkamp H.J.* The Coase Theorem and Arthur Cecil Pigou // University of Iowa Legal Studies Research Paper. Januar 2010, № 08-44.